

Содержание

Ю.А. Петров. Традиции российской исторической науки:
Сергей Михайлович Соловьев 7

С.М. Соловьев: жизнь, деятельность, научное творчество

А.М. Дубровский. Концептуальные идеи в лекционных курсах
С.М. Соловьева 13

А.В. Сидоров. С.М. Соловьев как историограф 24

В.В. Фомин. С.М. Соловьев и его критика «ультранорманизма».... 34

О.Ю. Казакова. Диалектика личного, корпоративного
и общественного в рецензии С.М. Соловьева
на «Историю царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова 52

А.В. Журавель. «Светило» на фоне «беззаконных комет»:
С.М. Соловьев — М.П. Погодин — Н.С. Арцыбышев 62

Л.П. Грот. Проблема института верховной княжеской власти
в русской истории в творчестве С.М. Соловьева 84

Л.В. Пашкова. С.М. Соловьев о причинах возвышения
Москвы, завещаниях московских князей (Ивана Калиты,
Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского)
и договоре Калитовичей 1348 года 108

Е.И. Малето. О становлении дипломатической службы
великого княжества Московского в трудах С.М. Соловьева 118

<i>Н.В. Гурская.</i> Воззрения С.М. Соловьева на положение казачества в истории России	130
<i>Т. Амброзьяк.</i> Люблинская уния и ее место в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева.....	138
<i>М.М. Сафонов.</i> С.М. Соловьев, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года.....	152
<i>И.В. Лобанова.</i> Влияние личности С.М. Соловьева на судьбы и жизненный выбор его детей	170

С.М. Соловьев и историческая наука России

<i>Ф.А. Петров.</i> Материалы о С.М. Соловьеве и историках «государственной школы» в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея.....	183
<i>А.А. Чернобаев.</i> Иконография С.М. Соловьева как исторический источник	207
<i>Д.А. Цыганков.</i> В.И. Герье и формировании памяти о С.М. Соловьеве в Московском университете.....	212
<i>М.Г. Вандалковская.</i> Тема «Соловьев-Ключевский». Суждения ученых	223
<i>Т.В. Агейчева.</i> Г.Ф. Карпов — ученик С.М. Соловьева.....	231
<i>В.П. Корзун.</i> «Рукописи не горят»: С.М. Соловьев глазами А.В. Флоровского	241
<i>Л.А. Сидорова.</i> «Бессознательный марксист»: научное наследие С.М. Соловьева в интерпретации М.Н. Покровского	253
<i>В.В. Левченко.</i> Н. Л. Рубинштейн как исследователь исторических воззрений С.М. Соловьева.....	262

<i>В.В. Тихонов.</i> «Труды С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»: К истории издания трудов С.М. Соловьева в СССР к 1950—60-е гг.	274
<i>М.А. Виноградов.</i> Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева	281
Время С.М. Соловьева: люди, события, проблемы	
<i>Д.Г. Дитяткин.</i> Проблема генезиса древнерусской государственности в отечественной историографии середины — второй половины XIX в.	289
<i>К.А. Аверьянов.</i> Когда Киевская Русь стала Московской?	304
<i>И.В. Поткина.</i> Экономическая деятельность в нравственном измерении: концепция добра В.С. Соловьева	324
<i>А.М. Иванов.</i> Труд И. Красева «Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии» — первый опубликованный источник по истории города	338
<i>И.Е. Барыкина.</i> Граф Д.А. Толстой (1823—1889) — историк во власти	342
<i>Н.В. Черникова.</i> Между интеллектуальной свободой и фрондой: отечественная профессура второй половины XIX в.	359
<i>А.Н. Долгих.</i> К вопросу о так называемом кризисе буржуазной историографии в России на рубеже XIX—XX вв.: А.А. Кизеветтер	377
<i>О.А. Плех.</i> Дореформенное чиновничество в трудах историков второй половины XIX — начала XX в.	393
Сведения об авторах	405

Традиции российской исторической науки: Сергей Михайлович Соловьев

17 мая 2020 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося отечественного историка Сергея Михайловича Соловьева. Его имя так же неотделимо от российской исторической науки и культуры, как неоспорим внесенный в их развитие вклад.

Размышляя в преддверии 200-летнего юбилея своего любимого исторического героя — Петра I о том, как следует российской обществу отметить эту дату, сам С.М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» говорил:

«Таким образом, первая обязанность общества образованного разъяснить для себя значение деятельности великого человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам, узнать, во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего, иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтоб приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников русской земли приглашаю вас, господа, к труду — обзреть труд его, подумать над ним»¹.

Эти слова великого историка как нельзя лучше формулируют задачу настоящего издания, в которое включены статьи участников Всероссийской научной конференции с международным участием, состоявшейся в Москве 20—21 октября 2020 г. и посвященной юбилейной дате самого Сергея Михайловича Соловьева.

Чтобы оценить вклад ученого в развитие исторической науки России, необходимо рассмотреть широкий круг вопросов, среди которых центральным является философия истории С.М. Соловьева. С самых первых шагов в исторической науке Сергей Михайлович, анализируя сочинения своих российских предшественников и современников, изучая европейский опыт исследования истории,

---

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. 18. М., 1995. С. 6.

основной задачей исторической науки середины XIX в. полагал необходимость формулирования теории исторического процесса.

Постигая многовековую историю России, он выработал свой взгляд на ее прошлое, в котором взаимосвязанные и обуславливавшие друг друга периоды сменяли друг друга, определяя поступательный характер развития человеческой цивилизации. «Пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений»², — писал Сергей Михайлович. Он призывал историков «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды. Но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм»³. Такой подход стал, говоря современным языком, визитной карточкой ученого.

С.М. Соловьеву, ярчайшему представителю «государственной школы» в российской исторической науке, по праву принадлежит приоритет в разработке ключевых положений государственной теории. Им была предложена концепция родового быта, в рамках которой историк анализировал общественный строй славян IX—XII вв. Примечательно, что С.М. Соловьев отстаивал взгляд на родовые отношения как общую стадию развития для всех европейских народов.

Главенствующей темой научного творчества С.М. Соловьева стала история Российского государства. Она находилась в русле традиций, заложенных его предшественниками — М.М. Щербатовым, Н.М. Карамзиным, М.П. Погодиным. Однако в своем подходе к этой проблематике Сергей Михайлович сделал значительный шаг вперед, отказавшись от идеи провиденциализма и поставив развитие политических институтов в зависимость от экономических факторов.

Особый интерес С.М. Соловьева был отдан государственной деятельности Петра Великого. Основанный на многочисленных документах вывод историка о подготовленности и обусловленности петровских преобразований, о неразрывном единстве древней и новой истории России стал неотъемлемой частью последующей историографии, остается крайне актуальным и для современной науки.

История экономического и социального развития России в трудах С.М. Соловьева была подчинена, в основном, ее политической истории. Поэтому вполне закономерно, что сформулированная им теория закрепощения и раскрепощения сословий проистекала из его

---

² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 438.

³ Там же. Кн. 1. М., 1959. С. 55.

понимания роли и места государства в истории России и основывалась преимущественно на совокупности юридических признаков.

Особое место в исторической концепции С.М. Соловьева принадлежало вопросам влияния природной среды на историческое развитие народов. Широко известна его антитеза «камня» и «леса». «Природа для Западной Европы, для ее народов была мать, — писал он и продолжил: — для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»⁴. Географический фактор послужил основой для объяснения С.М. Соловьевым причин задержки социально-политического и экономического развития России, особенностей ее государственного и национального устройства. Учет этого фактора при анализе исторической действительности прочно вошел в исследовательский арсенал историков.

Концептуальные выводы С.М. Соловьева на много лет вперед определили направления исторических исследований в России. Его «История России с древнейших времен», 29 томов которой издавались с 1851 по 1879 гг. и которая по праву оценена как научный подвиг, входит в золотой фонд отечественной культуры. Такая долгая жизнь этого фундаментального труда С.М. Соловьева, равно как и всего научного наследия ученого объясняется богатством предложенных в нем подходов к изучению прошлого и широтой и разнообразием их источниковой базы.

Но не только этими, чисто академическими своими особенностями, исследования С.М. Соловьева вызывают к себе непреходящий интерес. Во многом это проистекает из нравственных принципов, которые демонстрировал ученый в своем творчестве.

В статье, посвященной С.М. Соловьеву, его младший современник, известный историк Владимир Иванович Герье обратил внимание на важную грань исследовательского почерка Сергея Михайловича. Она заключалась в том, что научный метод С.М. Соловьева основывался на твердых моральных устоях. Призвание историка, писал В.И. Герье, совпадало, по убеждению Сергея Михайловича, со «служением *правде*, правде, неукрашающей и нелестящей ни лицам и народам, ни интересам и мнениям. Он понимал науку в самом высоком ее смысле: она была тождественна для него с исполнением нравственного долга»⁵.

---

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 8.

⁵ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // С.М. Соловьев. Сочинения в 18 томах. Кн. XXIII заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 329.

В этом отношении С.М. Соловьев был чрезвычайно требователен к себе самому, в первую очередь, и к своим коллегам по историческому цеху. Непременным условием для каждого историка он считал соблюдение принципов объективности и историзма. Их нарушение Сергей Михайлович связывал с «непривычкой высвобождаться от своих настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим понять, и которое никак не поймем, если не отстанем от этой привычки»⁶.

Следование исторической правде и во времена С.М. Соловьева, и в настоящее время остается более чем актуальным, имея в виду особенности истории как науки об обществе. «История — это свидетель, от которого зависит решение дела, и понятно стремление подкупить этого свидетеля, заставить говорить его только то, что вам нужно. Таким образом, из самого стремления исказить историю всего яснее ее важность, но от этого науке не легче»⁷, — писал С.М. Соловьев. Залог преодоления тенденциозности в освещении проблем истории Сергей Михайлович видел в «многосторонности» понимания исследуемых проблем, одновременно подчеркивая, что стремиться ученому надо к недостижимому «всестороннему пониманию»⁸. Это требование историка в полной мере сохраняет свою актуальность и сегодня.

Обширное творческое наследие С.М. Соловьева интересно не только историкам-профессионалам, которые используют в своей исследовательской работе высказанные великим историком суждения и мысли, черпают факты, бесчисленное множество которых извлечено Сергеем Михайловичем в результате его неустанной работы над необъятным массивом архивных документов. Каждому человеку, в руках которого оказываются сочинения историка, передается толика того неподдельного всепобеждающего интереса к истории России, который руководил многолетним подвижническим трудом Сергея Михайловича Соловьева.

Надеемся, что этот сборник статей поможет ответить на чрезвычайно важный и актуальный вопрос: в чем творческое наследие С.М. Соловьева созвучно современной науке и почему его труды по-прежнему востребованы не только в науке, но и в обществе. Эта проблема занимала центральное место в научных дискуссиях, состоявшихся в ходе проведения организованной Российским историческим обществом,

---

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. 18. М., 1995. С. 46.

⁷ Цит. по: Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 17.

⁸ Там же. С. 17—18.

Институтом российской истории РАН и Государственным историческим музеем Всероссийской научной конференции с международным участием «С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка». Осуществление этого юбилейного проекта — проведение научной конференции и издание настоящего сборника статей — стало возможным благодаря финансовой поддержке Фонда «История Отечества», которому Организационный комитет конференции и редакционная коллегия издания выражают глубокую признательность.

*Ю.А. Петров,
Директор Института российской истории РАН*

С.М. Соловьев:
жизнь, деятельность,
научное творчество

А.М. Дубровский

Концептуальные идеи в лекционных курсах С.М. Соловьева

Conceptual ideas in S.M. Solovyov's lectures

Аннотация: С 1860-х гг. С.М. Соловьев читал лекционные курсы только по новой истории России. Хорошо сохранился текст двух курсов 1867—1868 гг. и 1870-х гг. Их он начинал с введения, которое и рассматривается в настоящей статье. Главной задачей такого введения было обоснование общей идеи, которая была принципиально важна для понимания учебного курса.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, история России, лекции, введение, связи между историческими периодами, роль монарха, Запад и Восток.

Annotation: S.M. Solovyov delivered lectures only about new Russian history from 1860'. The texts of two courses 1867—1868 and 1867' are well preserved till our days. He began his lectures from special introduction which is the subject of investigation in this article. The main goal of this introduction consisted in basing of one idea which was important for understanding of the whole course.

Keywords: S.M. Solovyov, Russian history, Lectures, Introduction, Relations between historical periods, Role of monarch, West and East.

Научно-исследовательская работа Соловьева была тесно связана с его преподаванием курса истории России. Учебные лекции предваряли написание того или иного тома его основного труда. В них высказывались в первоначальном виде идеи историка, потом они получали разработку в ходе исследовательской деятельности и дальнейших размышлений над материалом. Уже в силу этого соображения тема о Соловьеве как преподавателе интересна и важна. Добавим и то, что в лекционных курсах Соловьева освещены такие сюжеты, которые не были разработаны ни в его «Истории России», ни в отдельных монографиях. Соловьеву как преподавателю посвящено значительное по объему и разносторонности охвата исследование А.Н. Шаханова¹. Тем не менее, нужно сказать, что эта работа не исчерпала тему. Ее разработка была продолжена автором настоящей статьи². Цель предлагаемой статьи — дальнейшее изучение темы и рассмотрение вводной части к лекционному курсу.

¹ Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 96—137.

² Дубровский А.М. Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867—1868 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв.: сб. статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2019. С. 70—108.

А.Н. Шаханов заметил, что «изложение конкретного материала профессор предварял пространным теоретическим введением, в котором раскрывал свои взгляды на предмет, задачи науки и содержание чтений. Оно занимало в среднем от трех-четырех до трети объема курса»³. В наиболее полном виде такие части представлены в двух курсах лекций — 1867—1868 учебного года⁴ и курсе, прочитанном не позднее 1879 г, который можно условно называть курсом 1870-х гг.⁵

К 1860-м гг. у Соловьева уже давно сложились представления о чтении лекционных курсов. До него полного курса истории России никто не читал. Его непосредственный предшественник М.П. Погодин читал лекции, опираясь на Карамзина. Поэтому Соловьеву приходилось идти непроторенными путями и вырабатывать собственные требования к содержанию лекционных курсов. Взгляды историка на деятельность профессора и сам процесс преподавания начали формироваться еще в пору его студенчества, когда он слушал лекции М.П. Погодина. Позже, во время поездки по Европе, он мог оценить то, как читали лекции в Берлинском и Парижском университетах. По мнению молодого историка, университетское преподавание должно иметь характер проповеднический, назидательный. В нем должны сочетаться мысли и чувства, философия и религиозность. Лекция должна содержать в себе систематичность, «обилие содержания». Ему претила шеголеватость и небрежность некоторых французских преподавателей, склонность опускать подробности и «разжидить содержание»⁶. Этих принципов Соловьев придерживался всю жизнь, что наложило отпечаток на те части лекционных курсов, которые будут рассмотрены ниже.

Первоначально, когда молодой историк только начинал преподавательскую деятельность, он предварял свой рассказ историографическим введением⁷. В 1860-х гг. Соловьев передал чтение курса по древней русской истории Н.А. Попову, а сам сосредоточился на преподавании истории России в петровское и послепетровское время, что согласовывалось с его занятиями многотомной «Истории

³ Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель. С. 101.

⁴ Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1867/68 года. XVIII — начало XIX века. Брянск, 2020.

⁵ РГАДА. Ф. 70 (Цветаева). Оп. 1. Д. 4.

⁶ См. подробнее: Кучурин В.В. К характеристике научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв.: сб. статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2019. С. 54—69.

⁷ См.: Дубровский А.М. Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867—1868 гг. С. 71.

России». Вводная часть в его лекционном курсе уже не имела историографического обзора, а должна была увязать содержание предыдущих лекций с последующими, древний период отечественной истории с новым периодом. Таким образом, вводная часть носила не столько теоретический (методологический) характер, как можно понять из слов А.Н. Шаханова, сколько итоговый, концептуальный, обобщающий ход истории в период существования древней Руси.

Каждый год Соловьев начинал читать курс лекций по-своему. В курсе 1867—68 г. он повел свой рассказ с мысли о том, что с развитием истории расширяется историческая сцена — на ней появляются новые государства, активные деятели международной жизни. Так исподволь профессор вел слушателей к теме вхождения России в семью европейских народов в роли активного деятеля в результате реформ Петра; «вступлением ее в общую европейскую жизнь заканчивается собрание европейской земли воедино. Это вступление России в общеевропейскую жизнь положило начало новой русской истории и обусловило собой особый отдел общеевропейской истории. Обстоятельства, причины и следствия этого вступления России в общеевропейскую жизнь и составляют предмет нашего курса»⁸.

Рассмотрим основное содержание вводной части этого курса. Она занимала 9 лекций из 32. Нужно сказать, что из-за праздников и иных обстоятельств количество лекций каждый год было разным. В 1867 г. введение к курсу лекций занимало несколько менее третьей части содержания этого курса.

Мимоходом, уже в конце первой лекции Соловьев коснулся вопроса о соотношении внутренней и внешней (внешнеполитической) истории и заявил о том, что «эти две стороны разрезать нельзя». Что же касается такой части внешней истории как войны, то они должны «входить в историю общую своею стороною именно как мерило народных сил, которыми решаются великие вопросы», но без таких подробностей как планы битв, размещения и движение войск⁹. Эти детали должны быть предметом специальной сферы знаний — военной истории.

Соловьев объяснил, почему историкам приходится обращать много внимания на правительственные лица и тем самым вызывать нарекания на то, что они мало говорят об истории народа. Он

---

⁸ Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1867/68 года. С. 40.

⁹ Там же. С. 44.

подчеркнул, что «правительственная форма есть результат народной жизни, из истории народа создается правительственная форма». Люди, стоящие во главе государства, «имеют громадное влияние на судьбу народа»¹⁰.

В этих предварительных соображениях чувствуются последствия полемики, вызванной выходом в свет томов «Истории России». Так, К.С. Аксаков упрекал Соловьева в том, что он не заметил в истории русского народа. «История» Соловьева может быть названа Историей государства Российского¹¹.

Далее историк обратился к главному вопросу — «почему русская история состоит из... двух половин и откуда такие особенности в сравнении с историей Западной Европы»¹². Здесь историк прибег к объяснению с помощью географических условий, указав на природу-мать для народов Западной Европы и природу-мачеху для населения Европы Восточной.

Из природных условий выростала сильная центральная власть. Князья и дружины оказались первоначальным фактором, объединившим население обширной равнины. Родовые княжеские отношения, предполагавшие частую смену князей на столах в разных землях, передвижения князей из одной земли в другую, послужили самым мощным фактором объединения страны, сплочения народа. С перенесением центра политической жизни на северо-восток «правительство усаживается, усаживаются и князья в своих имениях, которые делаются теперь родовыми и получают название уделов»¹³. Начинается собирание Русской земли. Этот процесс шел долго, так как стране приходилось бороться с кочевниками, с «варварским Востоком». Когда эта борьба закончилась, начался новый период русской истории. Страна «обращается на Запад»¹⁴.

Соловьев рассмотрел, как постепенно совершался поворот русских к Западу. Особую роль в осознании своей отсталости сыграла борьба за выход к морю в XVI в. Встал вопрос о войске. Соловьев рассмотрел, как происходило развитие войска на Западе. Там быстро произошло оседание военных сил на землю. На Востоке дружины долго сохраняли право перехода от одного князя к другому. «Через много веков движение, наконец, начинает ослабевать на

---

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ См.: *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 123.

¹² *Соловьев С.М.* Лекции по русской истории 1867/68 года. С. 47.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 55.

севере»; не имея иных средств, князья раздавали землю для содержания военных сил, «явилась так называемая поместная система»¹⁵. Бедность государства и рост его потребностей заставили закрепить крестьян. Потребность в войске нарастала, Россия должна была вести войны с Польшей и Турцией. Войны показали финансовую слабость государства. Между тем благодаря хозяйственным занятиям в поместьях боевой дух воинов падал. Понадобились постоянные войска, в России появились иноземные дружины — рейтары, гусары, драгуны. «Вопрос о необходимом преобразовании войска... неминуемо сливается с вопросом об улучшении финансового положения. Чтоб улучшить финансовое положение, обогатить государство, разумеется, нужно позаботиться развивать промышленность и торговлю, а для этого нужно море»¹⁶. Таким образом, в XVII в. проявились важные потребности, удовлетворение которых должно было дать простор для развития страны. Россия ждала «такого человека, который бы, осознав необходимые потребности государства, явился исполнителем сознанных им потребностей»¹⁷.

Историк обратил внимание еще на одну сферу, в которой сознавалась необходимость преобразований, — область просвещения. В ней столкновение старого с новым привело к расколу в церкви.

Далее он решил посмотреть с точки зрения Западной Европы, какое значение имело для нее появление на Востоке великого государя. И, решив показать это с позиции европейского исторического процесса, Соловьев развернул картину вхождения в общеевропейскую и мировую жизнь разных народов, картину расширения той исторической сцены, на которой разворачивалась международная жизнь. В начале XVIII в. на нее вступает восточная половина Европы с требованием места, участия в общей деятельности. То было очень важным событием, и потому можно сказать, что с него начался новый период в европейской истории. В течение этого периода значение России постоянно увеличивается до той громадной степени, которую она достигла в начале XIX в. в правление Александра I. Историк подчеркивал значение связи между событиями начала XVIII в. и событиями времен правления Александра. Это была концептуальная идея, которая отражала осмысление новой истории России.

Далее Соловьев показал состояние Европы в ту пору, когда в ее делах начала играть активную роль Россия. Все содержание 9-й

---

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же.

лекции представляет собой очерк международных отношений в Европе. Здесь Соловьев выходил за пределы собственно отечественной истории и освещал историю всемирную. Главное в воспроизводимой им картине было соотношение военных сил и политического значения разных стран.

Постепенно Соловьев перешел к рассмотрению назревания предпосылок реформ Петра, к движению по направлению к реформам, что проявилось в развитии польско-малорусского влияния на русское образование и культуру. Однако это направление движения было бесперспективным, так как оно, по справедливому мнению Соловьева, не имело практической стороны. И уже с 10 лекции Соловьев начинал рассказ о воспитании Петра.

В курсе 1870-х гг. вводная часть составляет несколько более третьей части от общего объема курса. Здесь находим ряд идей, высказанных в более раннем курсе. Видимо, они и составляли то основное содержание, которое лектор хотел донести до своих слушателей и включал их в свой курс ежегодно. При этом, естественно, какие-то идеи были проиллюстрированы более подробно, лучше обоснованы.

Соловьев начинал первую лекцию с того, что отечественная история делится на два периода, в основе этого деления лежит деятельность одного человека — Петра; «и потому по естественной недоверчивости к силам одного человека является вопрос, правильно ли этот человек поступил, не ошибся ли, как свойственно всякому человеку?»¹⁸. Лектор указывал на то, что «народы никогда не действуют массою и всегда через своих представителей, так сказать, вожаков, передовых людей». Опровергая мнение о случайности этой хронологической грани, Соловьев указал на то, что вопрос решается сравнением «с подобными явлениями в жизни других народов». Он отождествлял эпоху реформ Петра с тем рубежом, который перешагнули народы Западной Европы на грани XV и XVI вв. Это была эпоха Возрождения, «большой переворот в их умственной жизни, отразившийся и в других сферах»¹⁹. Этих соображений не было в курсе 1867—1868 гг. Видимо, каждый раз историк нес в аудиторию то, что занимало его ум в последнее время, было предметом размышлений. Примечательно стремление сравнивать историю России с историей других стран, представление о единстве исторических законов.

¹⁸ РГАДА. Ф. 70 (Цветаева). Д. 4. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 2.

Далее как в одном курсе, так и в другом, историк объяснял особенности России, причины ее отсталости от Западной Европы, начиная с природных условий. В курсе 1870-х гг. Соловьев подчеркнул значение многофакторного подхода к предмету исследования: «Много ошибок в понимании исторических явлений происходит от того, что дают слишком большое значение какому-нибудь одному условию... Возможная многосторонность дает истинное понятие о влияниях»²⁰. В этом признании отражалась эволюция методологии Соловьева — от гегельянства к позитивизму.

В этой части курса Соловьев указывал на роль России в борьбе против кочевников Азии, в защите и распространении европейской цивилизации с XVI по XIX в. Он придавал большое значение «постепенному формированию громадной плотины со стороны Европы против наплыва азиатских орд»²¹.

В лекционном курсе 1870-х гг. историк развернул мысль о природе племени. Русский народ, по его мысли, — исторический, арийский. «Вот это-то происхождение и обуславливало его торжество в борьбе с дикарями. Вот как, следовательно, могущественна сила племенная, и как ничтожны перед нею силы мертвые, слепые, силы физические»²². Природа племени в изложении Соловьева оказывалась сильнее, значительнее влияния природы.

Древний период отечественной истории, по определению профессора, это время черной работы — «эта черная работа заключалась в защите родной страны от азиатских варваров»²³. В силу сосредоточенности на ней народ не мог участвовать в общей жизни европейских народов. Этой борьбе, как и предыдущем лекционном курсе, Соловьев придавал очень большое значение. Под углом противостояния татарам он обозревал историю страны в древности. Когда борьба с варварами закончилась, арийская природа русских двинула их к перениманию западной культуры; арийский народ — народ, способный к развитию.

«Таким образом, русская история делится с известной стороны на 2 части: азиатскую и европейскую, восточную и западную, степную и морскую»²⁴. С XVI в. начинается поворот к Западу (пока еще боком к Азии), с конца XVII и начала XVIII в. «происходит этот

---

²⁰ Там же. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 12.

²² Там же. Л. 12 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 14.

поворот целой стороной уже к Европе». Переворот, называемый петровским преобразованием, совершился постепенно, готовился раньше Петра. «Только к известному времени, к известному царствованию готовятся такие средства, потребность переворота так усиливается, что обладая ею, исходя из нее, один гениальный человек может вдруг произвести очень многое»²⁵.

Здесь Соловьев как бы возвращался к мысли, высказанной в самом начале введения о роли одного человека, благодаря которому начинался новый период в истории страны. Поэтому он подробнее, чем в курсе 1867—1868 гг., говорил о подготовленности, постепенности такого перехода, о том, что не только в личности Петра дело, а в состоянии страны, народа: «Заслуга Петра, главным образом, состоит в том, что он, уразумев силу потребности, старался удовлетворить ей»²⁶.

Далее Соловьев разворачивал свою мысль о назревании нового периода, о движении страны к нему благодаря постепенному знакомству с достижениями Западной Европы. Он говорил о явлении западного человека сперва в виде посла, потом (что важнее) в виде купца, с которым вступали в непосредственное общение люди, видели его товары, сравнивали его с собой, его товары со своими²⁷. Русских людей поражали иностранные корабли. Из всего этого рождалось убеждение, что море дает богатства. Началась Ливонская война — война за море. Она показала, что необходимо более искусное войско. «Куда ни обратится русский человек, всюду встречает: одно связано с другим; начнет одно, приходится иметь дело с другим и все сходится к одной потребности к сближению с Западной Европой»²⁸. Так на основе типических ситуаций (без обращения к источникам и конкретным случаям) Соловьев обосновывал осознание российским населением необходимости сближения с Западом.

Он показал, что это осознание обострялось проблемами древней Руси. Прежде всего дала себя почувствовать бедность земледельческого государства. Кроме того, в обширной стране жителей было очень мало. «Для того, чтобы войско получало содержание за службу и могло обрабатывать свою землю, которую получало вместо жалованья, принуждены были закрепить крестьян»²⁹. Это исто-

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 14 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 16—16 об.

²⁹ Там же. Л. 16 об.

рик определил как банкротство древней России. Признаком банкротства была и русско-польская война, которая довела Россию до разорения. Уже у правительства Алексея Михайловича родилось стремление строить корабли.

Все описанное историком служило подготовкой для появления Петра. Важная черта преобразования — «эта поспешность, эта необходимость приниматься разом за все вытекала из самого порядка вещей, была естественной необходимостью»³⁰. Выше в лекциях и было показано, что изменять нужно было многое — войско, финансы, состояние промышленности.

Соловьев указал на тяжелое положение народа, пошедшего в учение к иностранцам. Пошел наплыв новых понятий, у людей «затрещала голова». Как и на Западе, в России главным учителем был издавна священник. Движение к новому началось сперва в церковной области; «наука вся заключалась в религиозной сфере»³¹. Русские люди потянулись к Киеву. После ознакомления с тамошней наукой местные учителя-священники в их глазах оказались невеждами. «И у нас... по одним и тем же причинам должна была повториться та же борьба между обскурантами и гуманистами, разумеется, в своем виде, своем образе, но по существу одинаково», — писал Соловьев, сопоставляя Россию с Западом и имея в виду церковный раскол³². Правительство светское и церковное приняло сторону новых людей. Вместе с тем и патриарх, и духовенство мало чем отличались от старообрядцев, имея ту же узость взглядов.

Переход к новому периоду русской истории произошел благодаря еще и тому, что у Петра была самодержавная власть. Эта власть установилась в стране исторически. Ее рождению способствовали огромное пространство, небольшое количество населения, открытость границ, постоянная опасность от неприятельских вторжений. В этом отношении Россия противоположна Англии. Там рано народ требует представительства, а в России верховная власть пользуется все большей и большей силой; «она усиливается, как в природе все усиливается, если не встречает препятствия в усилении других тел, других элементов, называйте как хотите»³³.

Соловьев рассмотрел условия, которые способствовали ограничению влияния церкви и не позволили стать ей самостоятельной

---

³⁰ Там же. Л. 18 об.

³¹ Там же. Л. 22.

³² Там же. Л. 22 об.

³³ Там же. Л. 26.

силой и противопоставить себя центральной власти. Аристократия также не смогла противопоставить себя монархии. Толпа помещиков кормилась от царя. Все это были холопы царя. На Западе существовал городской элемент. На Руси же в древней истории государство постоянно имело характер земледельческий. «То, что было на Западе в начале средних веков, у нас продолжалось очень долго», — отметил лектор. Таким образом, в руках Петра было мощное средство для успешного проведения реформ. Этих рассуждений не содержала вводная часть к курсу 1867—1868 гг.

Таким образом, общие соображения, которые выдвигал Соловьев в этой части курса, должны были способствовать решению одного вопроса, поставленного в самом начале лекций, — о роли одного человека в переходе страны из одного периода в другой.

Кроме того, Соловьев между прочим высказывался относительно обязанностей историка. Объясняя свой подход к предмету истории, Соловьев подчеркивал значение правительственной деятельности: «Первое условие развития народа — деятельность правительства. Поэтому историк, уясняя народную жизнь, должен обращать внимание на распоряжения правительства. ...В истории на первом плане отдельные лица, которые говорят за массы, и их слова историк записывает»³⁴. Общественная жизнь народа (внешнеполитическая) выражается в двух формах — в войнах и дипломатических отношениях. При этом Соловьев отмечал, что история сражений — это предмет специальной истории, военной. Дело историка — «смотреть на войну как на мерило внутренних сил», как на результат внутренней жизни. «Подробности историка не нужны, и если он вдается в них, то значит не уяснил себе предмета общественной истории». Такое же требование Соловьев выдвигал относительно изучения в курсе истории литературы, считая, что «литературные подробности» — дело специального изучения³⁵.

Таким образом, вводная часть к лекционным курсам Соловьева была посвящена осмыслению одной идеи. В первом случае (курс 1867—1868 гг.) историк вел речь о связях между двумя историческими периодами в жизни страны. Во втором случае (1870-е гг.) он представлял своим слушателям размышления о роли личности в истории. Естественно, что при этом лектор затрагивал разные стороны исторического процесса, высказывал и о них свои соображения. Однако при этом стержневая линия сохраняла свое значение.

---

³⁴ Там же. Л. 10, 10 об.

³⁵ Там же. Л. 11.

Историю России Соловьев освещал в тесной связи с историей соседних стран или тех, с которыми Россия входила в соприкосновение. Он стремился во всех случаях показать типичные, закономерные черты, этапы развития, повторяющиеся ситуации в истории России и стран Западной Европы. Аналоги историческим законам и ситуациям он усматривал и в жизни отдельного человека (тогда он сравнивал общество с поведением личности) и в природе.

Много внимания Соловьев уделял внешнеполитической деятельности русского правительства, так как именно в ней проявлялась роль России в европейских делах — важнейшая сторона ее истории, по мнению историка. Этот подход и его обоснование в лекционном курсе, а также соображения об изучении историком войн, областей искусства служат объяснением и к тексту основного труда ученого «Истории России с древнейших времен».

В введениях к лекционным курсам Соловьева встречаются идеи, которые он нигде больше не высказывал, например, о большем влиянии на историю природы племени, чем географических условий, в которых живет народ.

Таким образом, и содержание лекций в целом (что отмечал еще А.Н. Шаханов) и вводных частей к ним имеет важное значение для понимания воззрений С.М. Соловьева и его вклада как в науку, так и в университетское преподавание отечественной истории.

Литература

- Дубровский, А.М.* Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867–1868 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. статей и материалов. — Вып. 5. — Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2019. — С. 70–108.
- Кучурин, В.В.* К характеристике научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. статей и материалов. — Вып. 5. — Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2019. — С. 54–69.
- Соловьев, С.М.* Лекции по русской истории 1867/68 года. XVIII — начало XIX века. — Брянск, 2020, — 584 с.
- Цамутали, А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. — 256 с.
- Шаханов, А.Н.* С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник / Отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. — Москва : Наука, 2002. — С. 96–137.

А.В. Сидоров

С.М. Соловьев как историограф

S.M. Solovyov as a historiographer

Аннотация: Представления С.М. Соловьева о развитии отечественной исторической науки базируются в первую очередь на понимании научности, историзма и комплексности использования источников.

Ключевые слова: История исторической науки, С.М. Соловьев, научность, историзм, источниковедческий анализ, самопознание народа, Н.М. Карамзин, А.Л. Шлецер, В.Н. Татищев.

Annotation: The views of S.M. Solovyov on the development of domestic historical science are based primarily on the understanding of scientific nature, historicism and the complexity of the use of sources.

Keywords: History of historical science, S.M. Solovyov, Scientific approach, Historicism, Source analysis, Self-knowledge of the people, N.M. Karamzin, A.L. Schletser, V.N. Tatischev.

Двухсотлетний юбилей со дня рождения выдающегося русского ученого и организатора науки и образования С.М. Соловьева дает прекрасный повод историкам вновь обратиться к его творчеству. За два века развития отечественной исторической науки сменилось несколько поколений ученых, но каждое из них отдавало свою дань памяти этому поистине титану научной мысли. С.М. Соловьев в памяти потомков предстает, прежде всего, как автор классического многотомного труда «Истории России с древнейших времен», известного каждому историку-профессионалу со студенческой скамьи. При этом, конечно, каждый историк помнит о научном подвиге великого исследователя, не только создавшего оригинальную концепцию истории России, но и подробно обосновавшего на основе огромного количества архивных документов основные положения этой концепции. Не является исключением в этом ряду и поколение современных исследователей, вновь обращающихся к творчеству великого предшественника, ставя новые проблемы и вычлняя новые грани в разнообразном наследии этого ученого¹.

¹ См., напр.: *Лачаева М.Ю.* «Великий человек» и «великий народ» в концепции Сергея Михайловича Соловьева // VIII Барташевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милотина, С.М. Соловьева, И.Н. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 167—171; *Кучурин В.В.* Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в оте-

Важной частью этого наследия выступают труды по анализу работ его предшественников, посвященных узловым проблемам развития отечественной и зарубежной истории. Результаты этого анализа вылились в серию рецензий и статей историографического характера 1850-х годов: «М.П. Погодин “Исследования, замечания и лекции о русской истории”». Том IV. Период удельный. Москва. 1850» (1851), «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: “История государства Российского”» (1853—1856), «Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер)» (1854), «Писатели русской истории XVIII века» (1855), «Каченовский Михаил Трофимович» (1855), «Август Людвиг Шлецер» (1856), «Шлецер и антиисторическое направление» (1857), рецензия на книгу Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858) и его рецензия «Уния, козачество, раскол» на исследования М. Кояловича, Н.И. Костомарова и А.П. Шапова (1859)². Среди позднейших его историографических работ особое место занимают речь 1 декабря 1866 в актовом зале Московского университета в день 100-летнего юбилея Н.М. Карамзина «Исторические поминки по историку» и рецензия «Византия в X веке» (1873) на труд выдающегося французского историка Альфреда Рамбо³.

Уже сам перечень этих трудов свидетельствует, какое большое значение С.М. Соловьев придавал историографии, изучению проблем зарождения и развития исторической науки в России. Конечно, в небольшой по объему статье невозможно даже кратко изложить весь комплекс вопросов, связанных с деятельностью С.М. Соловьева как историографа. Но есть вопрос, который красной нитью проходит через рассматриваемые ученым историографические проблемы. Это вопрос о научности исследования. Приоритет научности и позволил С.М. Соловьеву создать стройную концепцию зарождения и развития отечественной истории в XVIII веке, выявить направления

чественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 5—29; *Малетю Е.И.* Творческое наследие С.М. Соловьева — живая история: К 200-летию со дня рождения историка // Worldscience: problems and innovations. Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 75—78; *Заварзина Л.Э.* Педагогическая ипостась выдающегося историка: К 200-летию С.М. Соловьева // Педагогика. 2020. Т. 84. № 8. С. 111—120.

² *С.М. Соловьев.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 43—259, 277—452; Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 39—83, 181—209, 242—278.

³ Там же. Кн. XXIII. С. 162—170, 279—286.

развития науки, вскрыть вклад своих предшественников, дать оценку конкретных трудов отечественных и зарубежных исследователей. Какой-то отдельной работы, где С.М. Соловьев излагал бы вопрос о своем понимании научности, не существует, а потому приходится действовать в ситуации, как писал сам Сергей Михайлович, «когда историк вследствие извне возбужденных вопросов должен с невероятным усилием допрашивать молчаливые летописи»⁴. Но этими «летописями» выступают историографические труды С.М. Соловьева, а «неимоверные усилия» их допроса, к сожалению, неминуемо ведут к утяжелению текста многочисленными цитатами.

Исходным пунктом рассмотрения С.М. Соловьевым проблем научности являлся вопрос о пользе истории. Этот классический вопрос в XVIII веке претерпел определенную эволюцию, которую и отмечал историк. Польза науки вообще, начиная с петровских преобразований, рассматривалась исключительно в материальном смысле, как средство увеличения материальных сил, роста благосостояния и удобств жизни, когда, как писал С.М. Соловьев, «старались умножать число ученых, точно так же, как старались об умножении числа полезных ремесленников; о нравственном же влиянии науки на человека, о воспитании молодого поколения не заботились или заботились очень мало, полагая главное в ученье, а не в воспитании»⁵. Это ситуация делала положение ряда гуманитарных наук, их полезность весьма сомнительными, о них нередко были разговоры, как о почти бесполезных. Историки всячески старались защитить свою науку от подобных нападков, подчеркивая важность истории как науки опыта, значение которой велико для богословов, юристов, медиков, администраторов, дипломатов. Именно таким образом обосновывал полезность истории В.Н. Татищев. Отмечая это, С.М. Соловьев видит новое в оценке пользы истории во второй половине XVIII столетия. На основе анализа взглядов на эту проблему не только В.Н. Татищева, но и М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, и последнего выделяя особо, он отмечает, что «мы не встречаем толков о пользе истории как науки опыта и примера, но у него первого видим попытку смотреть на историю как на науку народного самопознания, старание сделать из истории прямое приложение к жизни, отыскать живую связь между прошедшим и настоящим, задать вопрос об отношениях старого к новому»⁶.

---

⁴ Там же. Кн. XVI. С. 150.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 230.

Итог развития представлений о пользе истории в XVIII веке, по мнению С.М. Соловьева, может быть подведен сравнением взглядов на этот вопрос В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина: «Итак, мы видим, что взгляд историка XIX века на свой предмет в главных чертах сходен со взглядом историка XVIII века: оба смотрят на историю, как на науку опыта; оба следуют одному порядку при изложении ее пользы. Но при сходстве воззрения есть и разница: историк XIX века уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»⁷.

Таким образом, С.М. Соловьев исторически, как результат векового развития российской мысли, обосновывает взгляд на науку как выражение народного самопознания, столь близкий сердцу ученого. В 1866 году он еще яснее выскажется по этому поводу, говоря об «Истории» Н.М. Карамзина: «Как же выразилось в этом произведении русское народное самопознание? Какая основная мысль труда? Мысль русского человека, мысль славянина, должна была остановиться прежде всего на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира»⁸. И далее он отмечает, что «первое драгоценнейшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потом возможность заявить свое существование в более или менее широкой деятельности, участвовать в общей жизни значительнейших государств, лучших представителей человечества»⁹.

Связь науки с современностью для С.М. Соловьева имеет и еще один важный аспект. В его трудах речь идет не только о тех задачах, которые ставит политическое и социальное развитие общества, но и о задачах, которые возникают в процессе развития науки. А потому историк должен видеть и этот аспект своего творчества. «Каждому дню его забота, каждому веку его труд; — отмечал С.М. Соловьев, — нашему времени завещано собрать воедино все части русской истории, найти смысл и в древнейшей Киевской, и Владимирской истории и *примирить* все эпохи»¹⁰.

Маркируя таким образом поле исследования русского историка, С.М. Соловьев обозначает и те принципы, опираясь на которые

---

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. Кн. XXIII. С. 166.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 168.

создает свои труды исследователь отечественной истории. Среди них центральное место занимает историзм. «Первая обязанность историка, приступающего к изображению какой-нибудь эпохи в жизни исторического народа, — отмечает С.М. Соловьев, — состоит в показании отношения избранной эпохи ко времени предшествовавшему, в показании, как эта эпоха вытекала из предшествовавшей»¹¹.

Понимание С.М. Соловьевым научности исследования самым тесным образом связано с принципом историзма. Недаром выделяя различные направления в развитии науки, он относил себя к историческому направлению, ведущему, по его мнению, свое начало от «Нестора» А.Л. Шлецера, и называя противников «анти-историческим направлением»¹². Принцип историзма в понимании С.М. Соловьева имел несколько граней. Одна из них была связана с преодолением тенденций к осовремениванию исторических реалий. Проблемой, казавшейся чрезвычайно неясной историкам нового времени, была проблема престолонаследия в Древней Руси. Общий ход ее решения в отечественной историографии С.М. Соловьев описал следующим образом: «Таков обычный ход нашей науки — начинать со внешнего, ближайшего к понятиям историка и потом, вглядываясь все внимательнее и внимательнее в глубь веков, объяснять неудобопонятные для нас явления древности согласнее не с нашими, но с тогдашними понятиями и обычаями»¹³. Нарушение историком этого подхода, иногда в угоду своей концептуальной установке, вызывало неприятие С.М. Соловьева. В своей статье о Н.М. Карамзине он не удержался, чтобы не высказать в адрес автора «Истории Российской» замечания: «Всюду заметны следы этого воззрения, по которому один только Владимирско-Московский князь был великим, а все другие, и Рязанский, и Нижегородский, и Тверской, — его удельными, ему подчиненными»¹⁴.

Принцип историзма был положен С.М. Соловьевым и в основания построения истории развития отечественной исторической науки. Это получило особенно яркое выражение в самой постановке исследовательских задач при рассмотрении «Истории» Н.М. Карамзина: «Каково же было отношение этого знаменитого труда к

¹¹ Там же. Кн. XXIII. С. 242.

¹² Там же. Кн. XVI. С. 321.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 101.

трудам предшествовавшим? Как удовлетворил он требованиям современников и каково было его влияние на труды последующие?»¹⁵.

Давая оценки вкладу своих предшественников в создание научной истории России, С.М. Соловьев отмечал тот научный базис, на основе которого они могли работать. А потому заслуга В.Н. Татищева, по мнению Сергея Михайловича, будет состоять в том, что «он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, — одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею», добавляя, что «мы обязаны Татищеву сохранением известий из таких списков летописи, которые, быть может, навсегда для нас потеряны»¹⁶. А потому оценка деятельности неразрывно связана с состоянием науки того периода, в котором пришлось работать историку. Подчеркивая значение этого, С.М. Соловьев отмечает, «кто посвятил себя научным исследованиям, тот знает, как важны первые указания на предмет, на его различные стороны, как бы мнения первого указателя ни были неправильны, тот оценит великие услуги Татищева, как первого указателя»¹⁷. Именно понимание состояния исторической науки позволяет С.М. Соловьеву объяснить результат работы М.В. Ломоносова по изучении отечественной истории. Потребность в создании истории России уже ощущалась в начале XVIII века. Петр I надеялся получить национальную историю, поручив написание ее справщику московской типографии Ф.П. Поликарпову. Но результат не обрадовал царя-реформатора. «Шувалов заказал русскую историю первому таланту времени — Ломоносову; — отмечал С.М. Соловьев, — но хотя Ломоносов и не был Поликарповым, однако и тут оказалось, что история не торжественная ода, на заказ не пишется»¹⁸.

Уровень развития исторического знания определял возможности историков и в последующие периоды. Давая оценку творчеству М.М. Щербатова, С.М. Соловьев отмечал недостаточное уяснение

---

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 217.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Кн. XXIII. С. 165.

исследователем хода истории, что приводило к ряду заблуждений. «Разумеется, мы не станем обвинять в этом Щербатова: таков был естественный и необходимый ход исторической науки; и последующие историки разделяют взгляд и повторяют ошибки Щербатова»¹⁹.

Являясь основой науки о прошлом, историзм в понимании С.М. Соловьева связывает всю русскую историю в единый процесс. Разбирая представления мыслителей первой половины XVIII века, он отмечал разрыв в едином историческом процессе, который связывался с преобразованиями Петра Великого. Жизнь России, а следовательно, и ее история, казалась естественно разделенной этими преобразованиями. Но в таком разделении С.М. Соловьев видел недостаток исследователей, отход от исторической школы. «Переходя к новой России, к объяснению отношения ее к Руси древней, последователи исторического направления тесно связывают обе половины русской истории — допетровскую и послепетровскую; в явлениях последней видят результаты явлений первой»²⁰, — писал он. Но это не мешало ему связывать с петровскими преобразованиями рождение отечественной исторической науки. «Древняя, допетровская Россия оставила много летописей, погодных записок о важнейших событиях, оставила громадное количество правительственных и судебных актов — богатый материал для истории, но не оставила истории; — писал он, — были попытки извлечь из летописного материала что-нибудь для удовлетворения любознательности русского человека, слышался какой-то бессвязный, детский лепет и только»²¹.

С.М. Соловьев связывает начало исторической науки в России с деятельностью А.Л. Шлецера. Это начало состояло не только в том, что А.Л. Шлецер занимался самым ранним периодом русской истории, но и в том, что он подошел к ее изучению, как к науке: «он только начал, но начал как следует, именно *начал сначала*, и потому его труд лег в основу исторического направления в нашей науке»²². Что же выделяло труд А.Л. Шлецера, по мнению С.М. Соловьева, что позволило считать его началом исторической науки? Ответ на этот вопрос дает сам С.М. Соловьев, оценивая шлецеровского «Нестора»: «Гласно и решительно высказалось мнение, что рассказ об известном времени в жизни известного общества дол-

¹⁹ Там же. Кн. XVI. С. 235.

²⁰ Там же. С. 330.

²¹ Там же. Кн. XXIII. С. 165.

²² Там же. Кн. XVI. С. 320.

жен соответствовать этому времени во всех чертах своих, это соответствие выставлено как непогрешительная поверка подлинности памятника, оно выставлено главною нравственною обязанностью повествования, и труд, отличающийся таким соответствием, назван *честным*»²³. И далее С.М. Соловьев добавляет: «От сознания этой честности, как главной обязанности историка, проистекало у Шлецера это уважение к известиям источников, отвращение от произвольных прибавок и украшений»²⁴.

Тем самым работа с источником, его использование в научном исследовании для С.М. Соловьева превращается не только в важнейший элемент понимания научности, но и приобретает высоту профессиональной моральной ценности. А потому, оценка работы с источником выступает для него важнейшим критерием исторических исследований. Отступления от нормы кажутся ему недопустимыми, чем бы они ни объяснялись. Говоря об описании Н.М. Карамзиным в его «Истории» эпизода штурма Казани войсками Ивана Грозного, С.М. Соловьев отмечает: «Это описание, так ласкающее наш русский слух, есть произведение могучего таланта. Но наука имеет свои требования, и мы должны сравнить приведенное описание с источником, именно со сказанием, находящимся в Царственной книге»²⁵. Давая историографическую оценку, С.М. Соловьев детально разбирает состав источниковой базы того или иного исследования или его частей²⁶.

Становится понятным, насколько принципиальным был для С.М. Соловьева детальный разбор всех отклонений от текстов источника при изложении истории. Не боясь обвинений в том, что его статья о творчестве Н.М. Карамзина превратится в подробные комментарии к тексту «Истории», он последовательно замечает: «За рассказом о походах казанских следует рассказ о первой войне Новгородской. Рассказ этот вообще правилен, согласен с источниками, и мы должны остановиться только на некоторых немногих местах, требующих объяснения», к ним, в частности, были отнесены: «мало выставлено значение православия, которое было главным препятствием к соединению Новгорода с Литвою, о чем заметил князь Щербатов»; «деятельность Марфы Борецкой автор выставляет как явление, противное древним обыкновениям

---

²³ Там же. С. 317.

²⁴ Там же. С. 318.

²⁵ Там же. С. 169.

²⁶ См., напр.: Там же. С. 144.

и нравам славянским, которые, по мнению автора, удалили женский пол от всякого участия в делах гражданства»²⁷. По поводу рассказа в «Истории» Н.М. Карамзина о малолетстве Ивана Грозного С.М. Соловьев замечает: «Все эти: *опасались, полагали* — были бы чрезвычайно важны, если бы хотя из одного слова источников можно было видеть, чего опасались, что полагали в Москве в 1533 и 1534 годах»²⁸.

Проверка правильности выводов и оценок историков, по мнению С.М. Соловьева, опирается на источники, в том числе еще не введенные в силу ряда условий в научный оборот и которыми автор того или иного исследования воспользоваться заведомо не мог. Давая оценку «Истории» Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев замечает, что «мы должны здесь ограничиться только некоторыми указаниями на отношение рассказа историографа к известиям источников, еще не изданных»²⁹. Хотя это, конечно, ни в коем случае не означает, что С.М. Соловьев предъявлял столь явно завышенные требования к трудам предшественников. Он, в частности, отмечал: «Критики, рассматривающие “Историю государства Российского” преимущественно с точки зрения художественной, справедливо предпочитают XII том всем предшествовавшим: события, здесь рассказанные, такого рода, что давали обильную пищу таланту автора. С точки зрения научной XII том теперь нам кажется слабее предшествовавших, потому что у нас много новых материалов, объясняющих удовлетворительнее эпоху; но статья наша не может иметь целию указание отношений “Истории государства Российского” к настоящим средствам нашей науки, ибо мы имеем дело не с современным сочинением»³⁰.

Разбирая источниковую базу исторических трудов, С.М. Соловьев подчеркивает требование использования всего комплекса источника: «Мы не можем признать за историком права выбора явлений из источников: он имеет только право располагать и уяснять явления; ни одна йота летописи не должна пропасть для истории»³¹.

Работа с источником, столь важная для С.М. Соловьева, служила основанием для определения места в истории науки того или иного исследователя, особенно в эпоху зарождения научной мысли

---

²⁷ Там же. С. 127.

²⁸ Там же. С. 147.

²⁹ Там же. С. 143.

³⁰ Там же. С.183—184.

³¹ Там же. С. 59.

в России. Это особенно заметно в его оценки научного творчества А.Л. Шлецера. «Заслуга Шлецера состоит не в установлении верных взглядов на явления всемирной истории: его заслуга состоит в том, что он ввел строгую критику, научное исследование частностей, указал на необходимость полного, подробного изучения вспомогательных наук для истории. Благодаря Шлецеровой методе наука стала на твердых основаниях, ибо он предположил изучению исторической физиологии занятие историческою анатомиею; по счастью, судьба привела самого мастера в Россию, чтобы поставить и русскую историю на это прочное основание»³².

Таким образом, историографические труды С.М. Соловьева позволяют воссоздать его представление о истории как науке. Это представление будет положено историком в основу создания концепции возникновения и развития исторической науки в России и станет базой для всесторонней оценки трудов его предшественников. Это представление позволяет конструировать модель исторического исследования середины XIX века. Оно стало фундаментом исторической исследовательской парадигмы, элементы которой сохраняются и сегодня в трудах отечественных историков.

Литература

- Заварзина, Л.Э.* Педагогическая ипостась выдающегося историка: К 200-летию С.М. Соловьева // Педагогика. 2020.— Т. 84. № 8.— С. 111—120.
- Кучурин, В.В.* Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. Под ред. А.М. Дубровского.— Брянск : Брянский ГУ, 2019.— С. 5—29.
- Лачава, М.Ю.* «Великий человек» и «великий народ» в концепции Сергея Михайловича Соловьева // VIII Баргневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютин, С.М. Соловьева, И.Н. Тургенева, М.Н. Каткова.— Липецк : изд. ЛГПУ, 2018.— С. 167—171.
- Малет, Е.И.* Творческое наследие С.М. Соловьева — живая история: К 200-летию со дня рождения историка // World science: problems and innovations. Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции.— Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020.— С. 75—78.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет.— Москва : Мысль, 1995.— 556 с.; Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве.— Москва : Мысль, 2000.— 414 с.

---

³² Там же. С. 298—299.

В.В. Фомин

С.М. Соловьев и его критика «ультранорманизма»

S.M. Solovyov and his critique of «ultranormanism»

Аннотация: В статье показано состояние разработки варяжского вопроса в первой половине XIX в., охарактеризованное в науке как «ультранорманизм», и его критика С.М. Соловьевым.

Ключевые слова: «ультранорманизм», М.В. Ломоносов, А.Л. Шлецер, Г. Эверс, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, В.А. Мошин.

Annotation: The article shows the state of development of the Varangian question in the first half of the XIX century, described in science as «ultranormanism», and its critique by S.M.Solovyov.

Keywords: «Ultranormanism», M.V. Lomonosov, A.L. Shletzer, G. Evers, N.M. Karamzin, M.P. Pogodin, V.A. Moshin.

Состояние науки, формировавшее позицию подавляющего большинства ученых первой половины XIX в. по отношению к варяго-русскому вопросу, являющемуся отправным в рассуждениях о начале Руси, одинаково охарактеризовали специалисты, по-разному решавшие данный вопрос. Так, антинорманисты Ю.И. Венелин, С.А. Геденов и Д.И. Иловайский в 1830-х — 1870-х гг. определили это состояние как «скандинавомания», как «ультраскандинавский взгляд на русский исторический быт», как «крайний норманизм». В 1870-х гг. К.Н. Бестужев-Рюмин, исповедуя норманизм, вместе с тем говорил о «крайности норманистов», а его единомышленник и крупнейший знаток историографии варяжского вопроса В.А. Мошин в 1931 г. — об ««ультранорманизме» шлецеровского типа»¹.

Немецкий историк А.Л. Шлецер в 1802—1809 гг. в «Несторе», сразу же ставшем самой главной книгой для всех специалистов по истории Руси (с последних десятилетий XIX в. ее в таком каче-

---

¹ *Венелин Ю.И.* Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение // Скандинавомания и ее небыллицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2015; *Геденов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 442, прим. 247; *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 303, 317, прим.*; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 200; *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 24, 26—27, 33—35, 40, 44, 70.

стве заменяет «Начало Русского государства» датского лингвиста В. Томсена), представил Восточную Европу до прихода скандинавов «пустыней», в которой «малочисленные и полудикие» люди «жили рассеянно», «без правления» («подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса»), без «законов», не знали «скотоводства» и «большого звероловства». И «кто знает, — резюмировал германец Шлецер на фоне созданной собственным воображением, как он сам же оценил, «пустоты» русской истории до Рюрика, — сколь долго пробыли бы они еще в этом состоянии, в этой *блаженной* для полчеловека бесчувственности, ежели не были *возбужденны* германцами-скандинавами, распространившими в их землях «человечество». В связи с чем был категоричен в выводе: «*русская история* начинается от пришествия Рурика и основания русаго царства» шведами, и потому «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже *Русью*»².

При этом венчая свой взгляд на истоки русского бытия «аргументом», особенно гипнотизирующим русских историков (да и для них собственно предназначавшимся), что «*ни один ученый историк в этом не сомневается*» (а так он уточнил «аргумент» шведа Ю. Тунмана 1774 г., что в основании Русского государства скандинавами «никто не сомневается», являющийся, несомненно, перефразировкой слов другого шведа, О. Далина, 1746 г., что варяги «из *Скандинавских* мест пришли, сие никакого не требует доказательства»)³. А для наглядности бесцеремонно и в самой резкой форме обрывал тех, кто не видел ни пустоты, ни дикости «в ужасном... простирающемся расстоянии от Новгорода до Киева». К примеру, заключение немца-экономиста А.К. Шторха, высказанное в 1800 г. в «Историческом и статистическом изображении Русского государства», что на Руси до Рюрика были, благодаря торговле, города и князья, что «Рюрик нашел свой народ уже обладающим значительною и выгодною торговлей», назвал «глупой сказкой» и возмущался тем, сделав при этом показательную оговорку, «каким образом ученый человек... мог попасть не токмо на *ненаучную*, но и *уродли-*

² Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. XXVIII, нд-не, 51—52, 295, 304—306, 325, 419—420, 422, прим * к с. 368; ч. II. СПб., 1816. С. 168—169, 175, 178—180, 259—260, 288—289; ч. III. СПб., 1819. С. 347—348, 351. Здесь и далее курсив принадлежит авторам.

³ Далин О. История шведского государства. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1805. С. 385, прим. «; Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Th. 1. Leipzig, 1774. S. 371; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 325, прим. **.

вую мысль о древней Руси (которая, конечно, бы опровергла все, что до сих пор о ней думали)»⁴.

В 1809 г. Шлецер в последней части «Нестора» поместил приложение, не включенное в русское издание 1809—1819 гг., где крайне нервно отреагировал на появление монографии дерптского историка Г. Эверса, счастливо обретшего в России вторую родину, «О происхождении Русского государства» (1808). И отреагировал так потому, что бывший его студент, им же старательно взращенный на норманистских ценностях, отверг их, на фактах отрицая связь руси со скандинавами и указывая на ее древнее пребывание на юге Восточной Европы, и доказывая, что государственность у восточных славян сложилась до призвания варягов-норманнов: «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело».

За такой антинорманизм (хотя и неполный) европейская знаменитость, не пускаясь в полемику (к которой и приглашал его ученик: Шлецер «полагает, что основатели самого крупного государства в мире пришли с берегов Балтийского моря, я же полагаю, что с берегов Черного моря. И все же к таким противоположным выводам нас незаметно привела общая цель: он искал истину, я тоже»), поспешил опорочить Эверс в глазах научного мира: он, будучи человеком «в высшей мере самонадеянным» и мнящим себя ученым, «ничего не знает из средневековой истории», истории права, возникновения государства, и «приговорил» его книгу к числу тех, которые «а ргіогі могут быть осуждены, так как они плохи в литературном и моральном отношении»⁵ (тем самым стремясь изгнать его из науки, как это давно уже делал, не покладая рук марая имя М.В. Ломоносова: он «совершенный невежда во всем, что называется историческою наукою», «об *ученом* историке... вовсе не имел понятия», пьяница, клеветник и пр.⁶) (Эверс, к его чести, не промолчал и издал «Неприятные воспоминания об Августе Людвиге

⁴ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. род, 388—390, ч. II. С. 259; Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 141—143.

⁵ Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. VII, 186; Schlözer A.L. Nestor. Th. 5. Göttingen, 1809. S. XVI—XXXV.

⁶ Фомин В.В. М.В. Ломоносов-историк глазами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера // Ключевские чтения — 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов. М., 2015. С. 94—102.

Шлецере», в которых подчеркнул: многие предупреждали меня, что Шлецер, «не привыкший к критике, поведет себя как негодай», при этом прикрываясь любовью к истине. Но я считал, что он, сам свободно высказываясь на благо науки, не взирая на личности, позволит подобное и другим. Однако я ошибся, и «в гневе его ущемленное самолюбие перебороло его порядочность и заставило написать пасквиль на меня, который позорит пятую часть его “Нестора”»⁷).

Шлецер, отдавая приказ современным и будущим историкам: «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикава пришествия называлась уже *Русью*», и предавая аутодафе «выдумщика» и «поэта хазар» Эверса за его утверждения, во многом покоившиеся на показаниях восточных источников, об исконном пребывании руси в южных пределах Восточной Европы, старался перечеркнуть историографическую традицию, которая давно присутствовала в науке и которую он в недалеком прошлом сам всецело поддерживал.

В 1711 г. Г.В. Лейбниц указал, что в IX в. «приобрели известность русские, вероятно, древние роксоланы, которые были так могущественны, что даже осаждали Константинополь» (в 860 г.)⁸. В 1735 г. Г.З. Байер в статье «О варягах», от которой ошибочно вели начало норманской теории (была создана в Швеции в XVII в.⁹ и по своей антирусской направленности аналогична «Завещанию Петра Великого», сфабрикованному французами в следующем столетии), приведя известие Бертинских анналов о «росах» 839 г., заключил: «Се видишь, что народ русский прежде Рурика, о котором имени, далеко древнейшем, нежели русские летописи объявляют». В 1736 г. он говорил о первом нападении «киевских русов» на Константинополь в 860 году. Данный сюжет ученый вновь затронул в 1741 г., отмечая, что «россы приняли свое название не от скандинавов», ибо имя это не было ведомо на их родине¹⁰ (по словам П.Н. Милюкова,

⁷ Ewers J.P.G. Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. Dorpat, 1810. S. 1—16; Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 399—400.

⁸ Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 139.

⁹ См., напр.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8—57.

¹⁰ Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. IV. Petropoli, 1735. P. 281; *idem*. De russionum prima expeditione Constantinopolitana // Ibid. T. VI. Petropoli, 1736. P. 345; *idem*. Origines Russicae // Ibid. T. VIII. Petropoli, 1741. P. 401, 408—409, 411; Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 347.

Байер был убежден «в существовании Южной Руси, независимой от варягов-норманнов», и доказывал, что руссы были на Днепре «раньше Рюрика, следовательно, не были норманнами». В статье «О происхождении русских» 1741 г., подчеркивает ныне немецкая исследовательница Б. Шольц, он «оспаривает тот факт, что Рюрик и его варяги сыграли особую роль в возникновении русского государства», и стремится «показать, что русское имя, как и русское государство возникло до Рюрика»¹¹).

В.Н. Татищев также пытался доказать, в том числе под влиянием Байера, что «у грек имя русь, или рось, задолго до Рюрика знаемо было». М.В. Ломоносов в замечаниях на речь-«диссертацию» Г.Ф. Миллера, написанных осенью 1749 г., объяснял ему, ссылаясь на статью Байера 1741 г., что в IX в., «на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царюграду: “Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали”. Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика»¹² (подобную мысль его оппонент решительно отрицал и в речи, и во время ее обсуждения. Но в 1761 и 1773 гг. уже сам убеждал, что «имя *российское* еще и до Рюрика было употребительно в *России*» и что «*россы* были и *прежде Рурика*»¹³).

В 1768 г. А.Л. Шлецер энергично проповедовал ту же идею существования южной руси (тогда он еще не был стопроцентным норманистом, и потому во многом рассуждал о русской истории самостоятельно и в соответствии с источниками. Но все изменится в корне, как ученый попадет, после работы Ю. Тунмана 1774 г., под полное влияние шведских авторов XVII в., создавших норманскую теорию, представ-

¹¹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 100, прим. **; Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000. С. 112.

¹² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962. С. 286, прим. 7 и 8 на с. 308; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., СПб., 2011. С. 23.

¹³ РГАДА. Ф. Портфели Миллера. № 199. Оп. 1. 48. № 2. Л. 25 об. — 26 об., 38 об.; Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. С. 371, 395; Его же. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. М., 2006. С. 101; Его же. О народах издревле в России обитавших // Там же. С. 87—89.

ляющую собой шведский взгляд на нашу историю). И эту русь Шлецер представлял могущественным народом, «который подчинил себе, как говорит Фотий, бесчисленное множество других народов», и который населял «сегодняшнюю Крымскую Татарию». Отмечая, что «Нестор четко отличает руссов от шведов» и что понтийские русы «имели свой собственный язык, бесценные следы которого дошли до нас благодаря императору Константину», историк, с одной стороны, отрицал их связь со славянами, готами и роксоланами, с другой, сближал с куманами, хазарами, болгарами, аланами, лезгинами¹⁴.

Однако в «Несторе» Шлецер, хотя и продолжал говорить, ибо не мог, в отличии от сегодняшних активных реаниматоров его «ультранорманизма» (В.Я. Петрухина, В.В. Мурашовой, Е.В. Пчелова и др.), игнорировать четкие показания Повести временных лет (ПВЛ), что «Нестор ясно отличает русских от шведов», постарался привести летопись в соответствие с норманской теорией, для чего изобрел «особый род» скандинавов — русов, родом из Швеции. А ставшую помехой его концепции русь, имя которой гремело в Причерноморье задолго до призвания варягов и которая в 860 г. чуть не взяла Константинополь, просто выкинул из русской истории (потому как эти руссы, «наверное, не были настоящие *руссы*», понтийских руссов за один народ с киевским приняли византийцы, а «простое сходство в названии *Ρως* и *Рус* обмануло и почтенного Нестора, и ввело его в заблуждение»)¹⁵.

Все, что было сказано Шлецером по поводу русской истории, было, в силу их сильнейших западнических настроений, благоговейно принято (а с невероятным энтузиазмом затем приумножено) нашими учеными, возведшими его в непререкаемый авторитет (он, по оценке М.П. Погодина 1871 г., есть «великий учитель»), а его «Нестор» — в ранг своего рода священного писания, в которое надо, под страхом отлучения от науки, слепо верить и, согласно его канонам, говорить о начале бытия русского мира (по словам того же Погодина от 1847 г., «его приемы, его уроки, его впечатления, его огонь — о, их достанет еще на много поколений, имеющих уши слышать и разум разумети! Студент, который на первых годах не восхитится Шлецером, тот не занимайся русской историей»¹⁶).

¹⁴ Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавomanия и ее небыллицы о русской истории. С. 279—283.

¹⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. XXVIII, 258, 315—317, 330, 421; ч. II. С. 86—117.

¹⁶ Погодин М.П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории // Москвитянин. Ч. I. М., 1847. С. 169; *Его же*. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1871. С. 79.

«Ультранорманистский» настрой нашей науки был усилен тем еще, что взгляд Шлецера на историю Руси подкрепил, отмечал И.Е. Забелин в 1876 г., своим авторитетом Н.М. Карамзин как выразитель «русского европейски-образованного большинства, вообще мало веровавшего в какие-либо самобытные исторические достоинства русского народа. И великий немецкий ученый и великий русский историк смотрели одинаково и вообще на славянский и в особенности на русский мир. И тот и другой почитали этот мир в истории пустым местом, на котором варяги-скандинавы построили и устроили все, чем мы живем до сих пор». Причем эта идея, заострял внимание Забелин, «в увлекательном рассказе историографа получила еще больше силы и путем литературного слова распространилась в обществе, как несомненная и ничем не опровержимая истина. На пустом месте варяги-норманны стали казаться уже такими деятелями, которым бы удивился и сам Шлецер»¹⁷.

Таковыми они особенно предстают в многочисленных монографиях, статьях и обзорах М.П. Погодина, изданных в 1825—1874 годах. Твердо считая, что «к числу сильнейших доказательств норманского происхождения варягов-руси принадлежат их *действия*», и что «действиие, приемы, осанка, походка наших варягов-руси... суть норманские» (Олег Вещий «пошел воевать по норманскому обычаю, куда глаза глядят», хитростью «умертвил Аскольда и Дира», потому как «норманны часто употребляли хитрости друг против друга»), он уверял, что «походы первых князей, по рекам и морям, взимание дани, нападения на Константинополь, вообще образ их действия, в войне и мире, дома и на стороне, их занятия, добрые и худые качества, самые предания и басни о разных частных и мелких поступках, одним словом вся их жизнь, весь их быт обличают в них норманнов. Наши летописатели описывают их почти одними и теми же словами, какими латинские, греческие и арабские описывают прочих норманнов», и что вообще ни одно известие ПВЛ «не противоречит норманскому происхождению варягов-руси». Их норманство историк отстаивал тем еще, что у варягов «*красота уважалась*», и «известно, как норманны уважали красоту», что у наших князей «*многоженство* допускалось», и «норманские обычаи были совершенно те же», что «*баню* очень любили норманны, которые ходили в оные по субботам», что «норманны любили пировать: Руси есть веселие пити, сказал Володимер».

---

¹⁷ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 88, 92—93.

Такого же плана были и характеристики, даваемые им русской знати: Олег Вещий есть «удалый», «истый» и «гордый норманн» с «норманским характером», дочь норманского конунга Рогволода Рогнеда — «гордая и страстная, истая норманка», Святослав Игоревич обладал «норманским характером», воспитан был «в бранных норманских обычаях» и «мечтал только о кровавых сечах или пирах за столом Одиновым, в чертогах Валгаллы», Ярослав Мудрый был верен «норманской природе, в нем обновленной», а Мстислав Великий — это «истинный витязь в норманском духе». Норманство княгини Ольги историк объяснял тем, что «она приняла христианскую веру, — и в этом происшествии я вижу указание на ее норманское происхождение: ибо первые христиане у нас были норманны», что «в самой жизни Ольгиной, в удержании власти после смерти Игоря, в гражданской деятельности, в путешествии в Царьград — виден дух более норманский, нежели славянский», что в том, как правительница Руси разговаривала с византийским императором и его послами, — «видишь пред собою величавую норманку».

Заполонив русскую историю норманнами, якобы наложившими на все свою печать (язык «варягов-руси, дошедший... в собственных их именах, именах днепровских порогов и некоторых словах гражданственных, обличает их норманское происхождение», русский язык есть «язык северный», который «мало-помалу потерялся» в славянском языке, Перун и Велес — боги норманнов, «христианством обязаны мы варягам точно так же, как и гражданским устройством», скандинавскими являются названия рек Нева, Ижора, Луга, Нарва, «норманской в своем основании» есть Русская Правда, «законы и обычаи русские=норманские=скандинавские=варяжские сохранились между нами, как верования, как имена, как язык, как дух»), Погодин открыл «первый период русской истории» — «норманский период», охватывающий историю Руси с момента призвания варягов до смерти Ярослава Мудрого.

И в который, как безудержно он славословил скандинавов — «самый деятельный и удалой народ в Европе» — и их свершения на Руси (почти что равные подвигам богов!): еще до призвания «смышленные пришельцы» основали Изборск, Торжок, Белоозерск, Ростов, Муром, Бежецк, Волок Ламский, распространили новгородскую торговлю до самого устья Волги. Затем «удалые норманны», уже призванные, «раскинули планы будущего государства, наметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астро-